

П.М. ЖУКОВСКИЙ. ПИСЬМО Ж. А. МЕДВЕДЕВУ

Ж.А. МЕДВЕДЕВ, СЕ. РЕЗНИК

(Вступительная статья и примечания С.Е. Резника)

Впервые публикуется письмо академика П.М. Жуковского Ж.А. Медведеву от 4/ХП 1967, в котором содержатся малоизвестные факты так называемых биологических дискуссий 1930-х годов, дается нелестная характеристика писателю М.А. Поповскому.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов, П.М. Жуковский, М.Л. Поповский, Ж.А. Медведев, С.Е. Резник, Т.Д. Лысенко, Г.П. Шлыков, генетика, интродукция, розовый червь, обыск, памятник П.И. Вавилову.

П. М. Жуковский

Посмертная судьба Николая Ивановича Вавилова в чем-то не менее драматична, чем прижизненная. Хотя Николай Иванович был реабилитирован в 1955 г., наука, которой он беззаветно служил, оставалась «буржуазной лженаукой». Т.Д. Лысенко, поддерживаемый Н.С. Хрущевым, продолжал занимать монопольное положение в биологической науке. Пионерская работа Ж.А. Медведева «Культ личности и биологическая наука», раскрывавшая зловещую правду о лысенковщине, распространялась в самиздате, за что автор подвергался репрессиям. Тем не менее правда постепенно выходила наружу благодаря усилиям десятков людей, в числе которых в первую очередь следует назвать сына Н.И. Вавилова Юрия Николаевича, его учеников и соратников, таких как Фатих Хафизович Бахтеев, Вадим Степанович Лехнович, Николай Родионович Иванов, Петр Михайлович Жуковский и многие другие.

В октябре 1964 г. Хрущев был лишен власти, причем одним из пунктов обвинения против него была односторонняя поддержка академика Т.Д. Лысенко. Заслон был снят, и в печать хлынула лавина разоблачений, не оставивших от всего «мичуринского» учения камня на камне. Казалось бы, все препятствия к восстановлению правды о Вавилове были сняты. Но, увы, брежневская оттепель оказалась гораздо короче хрущевской. Уже через два года наметился поворот политического курса на ресталинизацию, то есть к новому сокрытию правды о сталинских репрессиях, вообще, и о гонениях на науку, в частности.

Восстановлению правды мешала не только идеологическая цензура, но и то, что некоторые авторы использовали трагедию Вавилова для безответственных спекуляций, сенсационных «открытий» и саморекламы. На этом поприще особо отличился писатель и журналист Марк Александрович Поповский (1922-2004) — главный «герой» публикуемого письма академика П.М. Жуковского, адресованного Ж.А. Медведеву.

Первые полтора-два десятилетия своей литературной карьеры Марк Поповский строил на безудержном восхвалении обласканных властью псевдоученых, вро-

де О.Б. Лепешинской, Г.М. Бошняна, Т.Д. Лысенко и его сподвижников. В качестве примера его писаний приведу отрывки из двух произведений М. Поповского, написанных в 1950 и 1960 гг.

Из очерка М. Поповского «Рассказ о полярном Земледелии» («Знание — сила». 1950. № 6. С. 31): «Знакомство с работами Лысенко ободрило Эйхфельда... Творческое содружество двух агрономов переросло в большую многолетнюю дружбу. И много лет спустя президент Сельскохозяйственной академии имени Ленина, академик Трофим Денисович Лысенко и директор Института растениеводства, академик Иоганн Гансович Эйхфельд... с теплым чувством вспоминали свою первую беседу на делянках, освещенных незаходящим полярным солнцем. Продолжая дело Мичурина, Лысенко и его ученики распространили его опыт на огородные культуры и злаки. “Тайные средства” повышать урожаи, выращивать неведомые прежде плоды и овощи, о которых три века назад мечтал Кампанелла, стали явными для каждого колхозника. Это средства мичуринско-лысенковской науки, помноженной на энергию миллионов энтузиастов, воспитанных партией Ленина-Сталина». (Э.Г. Эйхфельд в 20-30-е годы был заведующим Полярной станцией ВИР, но когда Вавилов, ложно обвинявшийся в том, что ВИР ничего не дает практике, попытался опереться на достижения Полярной станции, Эйхфельд заявил, что всегда работал методами Лысенко. После ареста Вавилова Эйхфельд, с помощью Лысенко, был назначен директором ВИР, впоследствии был президентом АН Эстонии, где насаждал лысенковщину еще много лет после падения Лысенко.

Из книги М. Поповского «Второе сотворение мира» (М.: «Молодая гвардия», 1960. С. 94-95): «Ученик Лысенко, он [Ф.Г. Кириченко] в рождение своих сортов внес новый, “лысенковский” стиль. “Если у тебя есть что дать народу, — говорил Лысенко, — давай незамедлительно. Хороший готовый сорт, без достаточного основания задержанный на экспериментальных делянках, — урон для страны, позор для селекционера”. Государственный подход, присущий школе академика Лысенко, подсказал одесскому ученому путь, совершенно новый, неожиданный и смелый».

После падения Хрущева Марк Поповский «сменил вехи». В 1966 г. в Алма-Атинском журнале «Простор» (№ 6-7) появилась его сенсационная повесть «1000 дней академика Вавилова», в которой вина за возвышение Лысенко возлагалась на самого Николая Ивановича. Великий ученый представлен унтер-офицерской вдовой, которая сама себя высекала. Несостоятельность этой версии была показана в обстоятельной рецензии Ж.А. Медведева («Новый мир», 1967. № 4). Однако позднее, эмигрировав из страны, М. Поповский положил ту же версию в основу своей книги «Дело академика Вавилова», впервые изданной в США в 1983 г.

М. Поповский опубликовал также множество статей в эмигрантских периодических изданиях, в которых уничижительно отзывался об учениках и соратниках Вавилова, по крупницам собиравших правдивую информацию о его судьбе. Единственным открывателем правды о Вавилове он изображал себя. При этом он не гнушался подтасовкой фактов и даже прямой клеветой. Мне приходилось вступать с ним в полемику в разных изданиях русского зарубежья: в еженедельник «Панорама» (Лос-Анджелес), газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк), ежемесячном журнале «Страна и мир» (Германия).

Изображая учеников и соратников Вавилова трусами и приспособленцами, которые якобы боялись рассказывать правду о своем учителе, М. Поповский особо выделил академика ВАСХНИЛ П.М. Жуковского: «Ученик Вавилова академик Жуковский послал на меня донос: «дескать, Поповский собирает материалы, компрометирующие нашу родину». («Страна и мир», 1986. № 10. С. 119).

В моем архиве сохранилась копия большого письма, посланного мною в редакцию журнала «Страна и мир». Редакция, к сожалению, отказалась его публиковать. В нем, в частности, есть такие строки:

«Академик ВАСХНИЛ Петр Михайлович Жуковский, к сожалению, давно умерший, был одним из самых крупных представителей научной школы Н.И. Вавилова. Еще в двадцатые-тридцатые годы он выдвинулся классическими трудами по земледелию Турции, которую обследовал вдоль и поперек, помогая Вавилону обновлять его гениальную теорию генцентров. Жуковский был почти единственным из учеников Вавилова, который обладал почти столь же широким научным кругозором, как и его учитель, так что он совмещал в себе и генетика, и селекционера, и ботаника-географа, причем одинаково свободно ориентировался практически во всем многообразии культурных растений. После ареста Вавилова и ряда его ведущих сотрудников — Карпеченко, Левитского, Говорова и др. — Жуковский делал все возможное и невозможное, чтобы в условиях сталинско-лысенковского террора спасти и сохранить хотя бы часть вавиловского наследия. В 1946 году, в период малой послевоенной оттепели, Жуковский выступил против новой «теории» Лысенко — об отсутствию внутривидовой борьбы. Он и другие ученые надеялись, что наконец-то у властей откроются глаза, и они поймут, что Лысенко — воинствующий невежда и обскурант. Но Лысенко опять нашел поддержку у Сталина и устроил своим противникам Варфоломеевскую ночь среди бела дня — на упомянутой уже сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Жуковский был избран одной из мишеней для атак со стороны лысенковцев. Нервы не выдержали, и на заключительном заседании он, как и некоторые другие, выступил с официальным покаянием¹. То был не лучший час в жизни этого крупного человека, но впоследствии он сумел оправиться от нравственной травмы и сделал очень много для дальнейшего развития идей Вавилова, для восстановления правды о нем и его врагах. Капитальные труды Жуковского, созданные в 60-70-е годы, особенно многократно переиздававшееся классическое руководство «Культурные растения и их сородичи», вернули вавиловской школе многие из тех высот, которые были утрачены в годы лысенковских погромов. С Петром Михайловичем Жуковским я поддерживал тесный контакт на протяжении почти 20 лет. Он деятельно помогал мне в работе над книгами, сперва о Вавилоне, а затем об ученике Вавилова Г.С. Зайцеве. Всю жизнь этот человек страдал от доносов, а не писал их. Предлагаю читателям сопоставить изложенную здесь вкратце объективную информацию с голословным утверждением М. Поповского, не уточняющего ни того, куда был послан на него донос Жуковского², ни того, как ему об этом стало известно и какие это имело последствия. (Очевидно, никаких: ведь уже в 1965 году М. Поповский — единственный из литераторов — получил доступ к сверхсекрет-

¹ Ж.А. Медведев, беседовавший с П.М. Жуковским сразу же после сессии, свидетельствует, что накануне заключительного заседания Петру Михайловичу позвонили из отдела науки ЦК партии и потребовали, чтобы он выступил с официальным покаянием. В противном случае его исключили бы из партии и сняли с работы. «Я заключил с Лысенко брестский мир. Похабный мир. Я сделал это ради моих учеников», — так в частном разговоре с Ж.А. Медведевым Жуковский прокомментировал свое «отречение».

² Насколько я знаю, М. Поповский в 1962 г. заключил договор с изд-вом «Советская Россия» на книгу о П.М. Жуковском, после чего приехал к нему в Ленинград брать интервью. Петр Михайлович категорически отказался отвечать на его вопросы и написал письмо в издательство, в котором протестовал против того, чтобы книгу о нем писал этот автор. По-видимому, это письмо в издательство Поповский и назвал доносом.

ному архиву КГБ. Как минимум, он должен был иметь безупречное для гебистов личное дело³).

Я считал своим нравственным долгом опровергнуть беспочвенное обвинение, исходя из того, что Петра Михайловича давно не было в живых, и сам за себя он постоять не мог. Но не зря сказано: рукописи не горят. Как оказалось, ответ П.М. Жуковского, хотя и косвенный, был дан за много лет до того, как М. Поповский выступил против него в печати. Таким ответом является публикуемое письмо П.М. Жуковского его ученику и другу Жоресу Александровичу Медведеву от 14 декабря 1967 г. Письмо предоставлено Ж. А. Медведевым, которому сердечная признательность. Письмо, конечно, не предназначалось для печати, его лексикон крайне не дипломатичен, но зато очень ярко передает меру возмущения, которую испытывал Петр Михайлович. Теперь, по прошествии почти полувека, оно имеет несомненный исторический интерес, причем не только тем, что показывает отношение автора к М. Поповскому. Важнее то, что оно рисует чудовищную атмосферу, которая с самого начала окутывала так называемые биологические дискуссии, и добавляет несколько живых черточек в обрисовку характера Н.И. Вавилова.

Ленинград 4/XIII1967.

Дорогой Жорес Александрович, Вы просили прислать Вам письма прохвоста Марка Поповского. Помимо того, что он дерьмо, он, несомненно, психопат (как Вы писали). Это явление генетическое, — отец и сын имеют злоевищий «спутник на хромосоме»⁴. На второе письмо я отправил ему ответ весьма резкий, назвав его клеветником, наглецом, гангстером. Он в своем втором письме сообщает, что восхвалял Лысенко, когда был «журналистом-первогодкой», не подозревая, что мне от Вас известны его пресмыкания перед Бошняком и Лепешинской, и его кошунство над гением Пастера. Я послал ему цитаты, полученные от Вас (конечно, без ссылки на Вас). Относительно инсинуаций, будто Н.И. Вавилов «осмеивал» меня, инцидент был следующий: в 1936 г. была сессия ВАСХНИЛ, на которой состоялась первая «дискуссия» и канонизация Лысенко. Я на ней не выступал. От невыступавших потребовали дать статьи в журнал «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» (кажется, он так назывался); оттиск у меня есть, но даты не указаны. Моя статья была напечатана либо в конце 1936, либо в начале 1937 г. Название такое: «Ответ критику и о некоторых действительно дискуссионных вопросах». В статье на стр. 157 я «обвинил» ВИР в том, что он увлекся систематикой культурных растений и отрекся от селекции, от выведения сортов. Н.И. очень рассердился и на одном из собраний Академии сказал: «Я ожидал увидеть Петра Михайловича рядом с собой среди обвиняемых, а он выступил прокурором». Потом, в кулуарах, он подошел ко мне, совершенно подавленному (ибо он был прав), и сказал: «Ваша статья — шедевр, но Вы ис-

³ Как и почему М. Поповский получил в 1965 году доступ к «делу Вавилова», остается загадкой. Сам он выдвигал на этот счет разные версии, одну фантастичнее другой. Дело Вавилова стало доступно для исследователей только в годы перестройки. На его основе составлен сборник документов: «Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД». Составители Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов и В.А. Гончаров. М.: Academia, 1999.

⁴ Отец Марка Поповского, писатель и журналист Александр Данилович Поповский был автором апологетической биографии Т.Д. Лысенко, выдержавшей рекордное число изданий. В статье «Однофамильцы» («Страна и мир», 1986. № 5) М. Поповский пытался противопоставить себя своему отцу, но попытка была с негодными средствами.

портили ее несколькими абзацами». Со слезами на глазах, я признал свою вину. Тогда время было страшное, у меня был обыск, чтобы изъять всю переписку с Вавиловым, причем сказали: «пока — это!»

Далее, мразь Поповский обвиняет в том, что я ушел из ВИРа рано, как бы изгнанный Вавиловым. На самом деле было следующее: я был научным руководителем отдела интродукции, а заведующим уже в то время, когда Н.И. не имел власти, был назначен Шлыков⁵. Меня сместили и назначили Чиркова (он сейчас в БИНЕ⁶). Появилась комиссия из Москвы, обследовавшая мою деятельность, — действительно ли я «интродуцировал» розового червя из Китая, страшного вредителя хлопчатника. Комиссия работала 16 дней, после чего председатель комиссии Ицков принес мне извинения и показал анонимное письмо. После этого я ушел из ВИРа в ТСХА. Если бы остался в ВИРе — меня давно не стало бы. Поповский и на моем уходе делает бизнес. Дорогой Жорес Александрович, Вы знаете, как много я делал и делаю для развития идей Николая Ивановича! Конечно, Поповский извратил меня в глазах Юрия Николаевича⁷ (послав ему копии писем своих), поэтому я прошу Вас ознакомить его с этим письмом (очень прошу). Премию⁸ я использую для сооружения памятника Николаю Ивановичу на его могиле⁹, когда откроется подписка. Решение комиссии есть.

Ознакомьте Юрия Николаевича и с творчеством Поповского до 1961 года!! Это очень важно. Акад. Б.Е. Быховский сожалеет, что ввел Поповского в комиссию по научному наследию Н.И. Вавилова¹⁰. Действительно, ему не место в ней, — он не ученый, а просто сволочь! Жаль, что Ф.Х. Бахтеев установил с ним дружеские отношения.

Д.Д. Брежнев вчера обещал мне распорядиться, чтобы билет на Вавиловскую конференцию был выслан Вам¹¹. Я сделаю научный доклад, кое-что новое. Конференция 11-15 декабря.

⁵ Шлыков Г.Н. был одним из самых громогласных «разоблачителей» Н.И. Вавилова, а также писал подметные доносы в НКВД на него, П.М. Жуковского, на других ближайших сотрудников Н.И. Вавилова. В частности, когда П.М. Жуковский подал заявление о вступлении в ВКП(б), Шлыков охарактеризовал этот шаг, как стремление «группы Вавилова» заслать своего агента в партийные ряды (См. «Суд палача». С. 150-151).

⁶ Ботанический институт АН СССР.

⁷ Юрий Николаевич Вавилов, сын Н.И. Вавилова.

⁸ В 1965 г. была учреждена премия им. Н.И. Вавилова, присуждавшаяся раз в три года. Первым лауреатом премии, в 1967 г., стал академик П.М. Жуковский. На присуждение ему вавиловской премии М. Поповский отозвался оскорбительным письмом с требованием отказаться от нее. Копии этого пасквиля он послал ряду лиц, включая Ю.Н. Вавилова.

⁹ Примерное место погребения Н.И. Вавилова было опознано бывшим работником Саратовской тюрьмы А. И. Новичковым в присутствии начальника Саратовского изолятора № 1 В.В. Андреева, профессора Ф.Х. Бахтеева и профессора С.С. Хохлова. 16 февраля 1967 г. ими был составлен соответствующий акт, подписанный всеми четырьмя указанными лицами и заверенный гербовой печатью. Фотокопия акта была передана мне профессором Бахтеевым. Опубликована в моей книге «Дорога на эшафот» (Нью-Йорк-Париж: Изд-во «Третья волна», 1983. С. 127). Памятник Н.И. Вавилову был поставлен в центре кладбища.

¹⁰ Вавиловская комиссия Академии наук была создана вскоре после реабилитации Н.И. Вавилова в августе 1955 г. М.Поповский заявлял, будто комиссия была создана в 1966 г. по его инициативе — один из вымыслов, который мне приходилось опровергать. М. Поповский был введен в состав комиссии благодаря содействию Ф.Х. Бахтеева, но через несколько месяцев был из нее выведен. Ф.Х. Бахтеев был членом комиссии со дня основания и некоторое время исполнял обязанности ее председателя. Академик Б.Е. Быховский был академиком-секретарем Биологического отделения АН СССР

¹¹ Речь идет о конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.И. Вавилова. Академик Дмитрий Данилович Брежнев (1905-1982) был тогда директором ВИР.

